

СУБЪЕКТ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА: СООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДОВ

В статье анализируется соотношение взглядов постмодернизма (философия) и субъектно-деятельностного подхода (психология) на категорию субъекта. Постмодерновский взгляд на субъекта можно назвать негативистским, так как подвергается сомнению субъектная автономность – субъект зависит от оков цивилизации, от власти бессознательного, вследствие чего теряет свою идентичность и способность к активному и творческому преобразованию мира. Представители субъектно-деятельностного подхода, наоборот, утверждают творческую преобразовательную активность субъекта, а значит, и его существование как деятельного и сознающего существа. Взгляды обоих подходов на категорию субъекта во многом различны, и невозможно примирить между собой их мнения. Однако в отдельных аспектах мы видим некоторую преемственность во мнениях, которая находит свое место где-то посередине между разными полюсами, один из которых принимает субъекта в его осознанности, свободе и целостности, а другой отвергает его, находя в нем лишь бессознательность, тотальную детерминированность и множественность.

Ключевые слова: субъект, субъектно-деятельностный подход, постмодернизм, целостность и расщепленность, идентичность, детерминация, масса и коллектив, креативность.

In this article are analyzed the correlation of the views at the postmodernism (philosophy) and the subject-doing direction (psychology) at the category "subject". The postmodern view at the subject can be called as negativistic because of the lost freedom of the subject – the subject depends on the hedges of civilization, the power of unconsciousness and as a result he loses his identity and possibility to active and creative recreation of the world. The subject-doing direction scientists say about the active and creative role of the subject which demonstrates his active-doing and conscious being. The both points of view at the category "subject" are mainly different, and it's rather difficult to connect them. Anyway, we can see a kind of integrity of these opinions, which take a place between two different views: the first one looks at the conscious, free and integrative subject, the second one denies (или reject) subject's being, saying about it's unconsciousness, total determination and multiplicity.

Keywords: subject, subject-doing direction, postmodernism, integrity and multiplicity, identity, determination, human mass and group, creativity.

Проблема субъекта для современной философии является очень актуальной. Выбор обозначенного контекста, т. е. именно постмодерновской тематики, определен четким критерием. Им выступает новизна, а потому и актуальность этого философского мировоззрения, характерная для нашего времени. Поскольку постмодернизм является более современным, чем все остальные философские традиции, то он весьма полно и содержательно отражает именно современные (или, как отмечают многие исследователи, скорее постсовременные) взгляды на мир и, в частности, на субъекта.

Постмодернистский взгляд на субъекта можно охарактеризовать как негативистский и пессимистический, поскольку утвер-

ждается отсутствие автономии субъекта. Субъект полностью зависим от принципов построения языка, от оков цивилизации, благодаря чему он теряет идентификацию с самим собой. Как отмечает Э. А. Усовская, субъект зависит от правил и ограничений, от норм, свойственных данному типу культуры. Субъекту «отказано быть активным преобразователем мира: ему следует вписываться в него, но не навязывать себя» [15. С. 112]. Многие философы-постмодернисты (в первую очередь Жиль Делез), нивелируя суверенность субъекта, абсолютизируют шизофрению как главное свойство истинной субъектности. Лоно безумного, иррационального способствует достижению субъектом относительной суверенности от норм

идеологии (Ж. Делез, Р. Барт, Ю. Кристева). Лишь иррациональное способно сопротивляться власти и навязанной идеологии.

Представители философского постмодернизма оспаривают автономность и суверенность субъекта всецельностью не только культуры и связанных с ней дискурсивных практик, но и ролью бессознательного [10. С. 108]. Сила сознания настолько умалется, насколько абсолютизируется мощь неосознаваемых потоков, которые, будучи скрытыми от сознания, не принадлежат субъекту: ведь субъект – в первую очередь существо осознающее. А. Ш. Тхостов вообще проводит некое тождество между субъектом и психоаналитическим «оно» [14]. Психологи (А. В. Брушлинский, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн) согласны с позицией о наделянии субъекта сознанием, поскольку они выделяют сознание как одну из основных характеристик субъекта. А. В. Брушлинский признает ведущую роль сознания, но говорит и о невозможности осознавать абсолютно все: жизнь человека не оставляет места ни для чего в полной мере осознанного или полностью бессознательного [7]. По С. Л. Рубинштейну, субъект представляет собой связующее звено между сознанием и деятельностью, связь которых образуется личностью [12]. Б. Г. Ананьев считает сознание совокупностью отношений человека к самому себе, к окружающим людям и к природе; сознание и деятельность – исходные характеристики субъекта деятельности [2]. Но исследователи в области психологии не приемлют предельной абсолютизации бессознательного, нивелирующего действие сознания.

С точки зрения философии постмодерна, свободный индивид, настоящий субъект, – это шизофреник. Он свободен от ответственности и социальных норм, и он уже не боится сойти с ума. Но, с позиции психологии, субъектность как раз определяется степенью ответственности за свои поступки; если человек выступает творцом своей жизни, то его ответственность за свои деяния возрастает [4]. По Ж. Делезу, шизофрения, будучи высшей формой безумия – есть главное освободительное начало для личности и главная революционная сила общества [10. С. 112]. «Болезненность индивида, возрастание амбивалентности и противоречивости внутри его сознания, отказ от рациональности и сознательности приводят к

свободе», – пишет Э. А. Усовская [15. С. 119]. В отличие от психологов-клиницистов, которые видят в шизофрении только патологию, Делез воспевает это психическое расстройство, которое он таковым не называет. Для него это – вершина проявления субъектности.

Как свидетельствует И. П. Ильин, для Юлии Кристевой субъект представлен не в целостности, а в расщепленности: сознание человека расколото изначально, а субъективность – совокупность непостоянных идентичностей. Субъект – явление внутренне противоречивое, находящееся на грани психической деформации и патологии, и субъект стремится при этом восстановить свою целостность. Он дважды детерминирован: с одной стороны, языковыми шаблонами правящей идеологии (если интересы человека противоречат интересам идеологии, то его сознание проявляет деструктивный иррационализм по отношению к себе), а с другой – бессознательным (иррациональным) словотворчеством. Иначе говоря, первая детерминированность (символическая) связана с социальными ограничениями, а вторая (семиотическая) – с действиями бессознательного, прорывающими эти ограничения.

По Ж. Лакану, субъект не может быть строго репрезентирован, так как эго человека нестабильно, и оно лишено ряда неизменных характеристик. Лакан ограничивает существование человека одним миром, одним видом бытия – лингвистическим, речевым, за пределами которого человека нет. А появление субъектности предшествует появлению индивида, и этот феномен определяется ограниченностью рамок соответствующего типа культуры. По Лакану, субъект формирует язык, поэтому субъект – это атрибут культуры, которая может говорить посредством субъекта; а эго – в первую очередь функция культуры, а не субъекта самосознания [8]. А. А. Брегадзе вслед за Лаканом говорит «о динамичности субъекта, его вечном “пребывании в пути”» [6. С. 23], и задается вопросом о возможности увидеть наличие в субъекте неизменного феномена, который и придает форму его бытию, т. е. сущности. И автор склоняется скорее к отрицательному ответу на данный вопрос.

Лакан употребляет понятия «индивид» как целостный субъект и «дивид» как фрагментированный субъект. В психологической

науке индивид и субъект не тождественны. Например, Б. Г. Ананьев считал индивида совокупностью возрастно-половых и конституциональных особенностей, высшее развитие которых – темперамент и задатки. Субъект же, по Ананьеву, – обладатель сознания как отражения объективной деятельности и осуществитель деятельности как преобразования действительности: высшая интеграция его свойств представлена в творчестве [2]. Здесь мы видим некоторую непреemptивность во взглядах на индивида, по крайней мере именно этих авторов (Лакана и Ананьева). Хотя в психологии также нет четкой позиции относительно определения понятий «индивид» и «субъект» и их соотношения между собой; если один автор придает каждому из этих понятий одно значение, то другой – иное (С. Л. Рубинштейн, к примеру, почти синонимизирует эти понятия, не проводя между ними никакой разделительной линии [3; 12]).

Что касается расщепленности субъекта, то мнение психолога А. М. Славской отчасти близко постмодерновскому. Она считает, что с помощью интерпретации личность способна сконструировать свой внутренний субъективный мир, который сам выступает интерпретацией своего «Я», своей тождественности и изменчивости в контексте жизненных изменений. Интерпретация связывает в единую целостность разные уровни «Я»: бессознательный и сознательный. «Интерпретируя, субъект осуществляет интеграцию внутреннего “Я”, создавая не просто картину мира, а “Я-концепцию” во множестве ее проявлений, объективации в деятельности, общении, решении жизненных противоречий, устанавливая прямую и обратную связь между ними», – пишет А. М. Славская [13. С. 210]. Под интерпретацией Славская понимает способность сознания личности выявлять и определять ее новое положение в изменяющихся обстоятельствах. Интерпретация сохраняет определенность субъектной позиции в условиях изменяющегося мира. Личность обладает определенностью, но она должна заново искать эту идентичность из-за изменения внешних условий и самой себя. Славская придает интерпретации настолько серьезное значение, что вводит новое понятие – субъект интерпретации, который выступает автором своей концепции, объективирующим ее в разных жизненных контекстах (в науке,

искусстве, жизни в целом). Итак, Славская принимает наличие определенности (целостности) субъекта, но также она принимает факт о его расщепленности в моменты происходящих жизненных изменений. Таким образом, ее позиция в какой-то степени близка к постмодерновской (Кристева, Лакан), но носит менее радикальный характер.

Постмодернисты (Делез, Лакан, Кристева) говорят о мнимости субъекта, о его несостоятельности как такового, о его децентрации. Конечно, их взгляды в некоторых аспектах различны, но зачастую они дополняют друг друга, а не противоречат один другому. По мнению И. П. Ильина, вся постструктуралистская мысль направлена «на доказательство невозможности независимого индивидуального сознания, на то, что индивид постоянно и, главным образом, бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами, детерминирующими его мыслительные структуры» [11. С. 80]. И когда субъект осознает свою зависимость, он встает на путь относительной автономности, т. е. осознание отсутствия свободы ведет к ее появлению. Так происходит постоянная борьба с самим собой, посредством которой субъект, рефлексировав, преодолевает самого себя. Э. А. Усовская также утверждает зависимость индивида от языка, от текста, которым является весь мир, все бытие. По ее мнению, «человек, говорящий на языке, в котором сказывается бытие, выглядит как совокупность речевых практик и сам тклет свой текст, пишет о себе, переписывает себя и свою собственную жизнь» [15. С. 115]. Оба российских исследователя сходятся во мнении об иллюзии свободы субъекта и утверждают субъектную зависимость от языка.

«Санкционируемые безумием “отклонения” от “нормы” часто воспринимаются как “гарант” свободы человека от его “детерминизации” господствующими структурами властных отношений. Так, Лакан утверждал, что бытие человека невозможно понять без его соотнесения с безумием, как и не может быть человека без элемента безумия внутри себя. Еще дальше тему “неизбежности безумия” развили Делез и Гваттари с их дифирамбами в честь “шизофрении” и “шизофреника”, “привилегированное” положение которого якобы ему обеспечивает доступ к “фрагментарным истинам”» [10. С. 78]. И далее Ильин продолжает: «грань между

нормальным и сумасшедшим, утверждает Фуко, исторически подвижна и зависит от стереотипных представлений. Более того, в безумии он видит проблеск «истины», недоступной разуму» [Там же]. Фуко романтизирует безумие, связывая его со свободой субъекта. Для него свобода – это отсутствие рациональности и сознательности, это нечто непознаваемое, т. е. само безумие. Философ говорит, что не существует абсолютного субъекта, но все-таки субъект есть: субъект желания, дискурса и т. д. [18. С. 44]. Другими словами, субъект «чего-то» существует, но нет собственно субъекта, отделенного от этого «чего-то». По Фуко, равно как и по Альтюссеру, субъект – это носитель той идеологической позиции, которая предписывается ему обществом.

Ж. Бодрийяр, изучая народную массу, лишает ее субъектных качеств. Масса не имеет смысла, она «не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией» [5. С. 189], – в этом и заключается ее неопределенность. Она не есть, например, группа трудящихся или студенческая группа, у нее нет абсолютно ничего общего с какой-либо социальной совокупностью или корпорацией. В массе нет отчуждения: здесь отсутствует как понятие «Я», так и понятие «Ты». Масса – это «уходящая в бездну симуляция всех потерянных систем референций» [Там же. С. 190]. Но если Бодрийяр утверждает бессубъектный характер массы, то гипотетически он допускает присутствие коллективного субъекта – в ином случае говорить о бессубъектности массы было бы бессмысленно. Она для него – ничто, просто молчаливое большинство. При попытке ее превратить в субъект обнаруживается отсутствие у нее состояния быть носителем автономного сознания.

Еще более интересным является различие в понимании субъекта у Фуко и Бодрийяра. Если первый нивелировал индивидуальный характер субъекта, то второй сводит к небытию субъект в его коллективной представленности. И обоих мыслителей объединяет одна общая направленность – антипозитивистская; они не утверждают существование чего-то (в частности, субъекта), они говорят в первую очередь о невозможности этого присутствия.

Некоторые психологи (А. Л. Журавлев, А. В. Брушлинский, Д. В. Ушаков) используют термин «коллективный субъект», и

введение ими данного понятия в научный язык служит в первую очередь цели дифференциации и спецификации явлений, происходящих в группе [9] или постулированию возможности / невозможности существования коллективного творчества и, соответственно, коллективного таланта [16]. Коллективным субъектом можно называть не только группу, общество в целом, но и все человечество [7; 9]. Например, активную, целостную, совместную деятельность людей можно назвать субъектной деятельностью, но эта субъектность здесь будет иметь коллективный характер [9]. Масса же, по мнению Бодрийяра, не является субъектом, а значит, она не осуществляет деятельность в соответствии с теми характеристиками коллективного субъекта, о которых говорит, например, А. Л. Журавлев, рассматривающий «коллективного субъекта» как альтернативу коллективу как объекту, как альтернативу индивидуальному субъекту. Он наделяет коллективный субъект неким общим для всех составляющих коллектив индивидов качеством субъектности и совместной внутриколлективной деятельностью. Для него коллективный субъект – это «взаимосвязанная и взаимозависимая группа людей» [9. С. 134]. Субъектность группы Журавлев описывает тремя признаками: взаимосвязанность членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность. Основное значение он придает именно активности. Но ученый не склонен наделять субъектными характеристиками абсолютно все существующие группы. Лишены этих характеристик стихийные группы (образуемые ситуационно и быстро распадающиеся), территориальные (образующиеся только по месту проживания) и т. д.

По Бодрийяру, изучающему массу в контексте политической идеологии, масса не обладает ни одним из этих признаков, следовательно, качество субъектности ей не присуще. О какой, например, активности может идти речь, если масса проявляет полную пассивность в социально-политической сфере? Мало того, рефлексивными качествами она тоже не обладает. И здесь мы видим качественное отличие объектов изучения обоих исследователей: массы и коллектива. Эти явления, на наш взгляд, можно дифференцировать по степени выраженности субъектных характеристик каждо-

го из них: если масса таковых лишена, то коллектив ими обладает. Рассмотрение данных явлений, в зависимости от области компетентности исследователей (философия и психология), также имеет серьезное значение. Возможно, оба ученых, равно как и обе отрасли науки, смотрят на одно и то же явление, просто одни находят в нем интересные нас субъектные качества (коллектив), а другие их не видят (масса). Например, А. Л. Журавлев называет коллективным субъектом не только большие и малые группы, но и общество в целом. Ж. Бодрийяр говорит о том же самом явлении, но использует другой термин – масса, и специально не прибегает при ее рассмотрении к понятию социальности: для него общества как такового не существует, но существует масса. И если Журавлев выделяет такие свойства коллективного субъекта, как целенаправленность, мотивированность, целостность, структурированность, согласованность, организованность, результативность, то Бодрийяр не усматривает в массе ни одно из этих свойств.

Сторонники постмодернизма, несмотря на их негативистскую трактовку субъекта, все-таки видят в нем творческое начало: достаточно хотя бы взглянуть на понятие «основатели дискурсивности» М. Фуко, которое так или иначе сопряжено с творчеством (ведь невозможно дать толчок новому дискурсу, не прибегая к креативности). «Творчество и игра, связанные воедино, так или иначе нацелены на обретение человеком свободы» [15. С. 121]. Игре здесь придается не общепризнанное психологическое значение, а культурное; собственно, игра и выступает синонимом культуры, которая разыгрывается. А творчество – это не обязательно создание чего-то принципиально нового и уникального, а переописание уже созданного.

И это творчество есть своеобразная точка пересечения взглядов современных философов и психологов. «Особенностью порождаемой субъектом активности является ее творческий характер», – пишет Л. И. Анциферова [3. С. 33]. Б. Г. Ананьев, как мы уже заметили, считает творчество высшей интеграцией проявления субъектных свойств [2]. А. В. Брушлинский говорит, что творческое начало присуще каждому субъекту [7]. Но здесь, в постулировании этого творческого начала, кроется не только схожесть, но и

различие во взглядах, из-за которого эти два воззрения – философское и психологическое (постмодернизм и субъектно-деятельностный подход) – не поддаются взаимодополнительности. Так, А. В. Брушлинский твердо убежден в том, что мышлению любого человека, любого субъекта изначально свойственна креативность. М. Фуко же считал мышление заранее предопределенным эпистемой, т. е. своеобразным сводом мыслительных запретов и предписаний, характерным для определенной исторической эпохи. Именно эпистема как единая система знаний на бессознательном уровне предопределяет язык, а значит, и мышление [1; 17]. Исходя из данной мысли, логично будет предположить, что мышление жестко детерминировано, и эта детерминация не оставляет никакого места для свободы и творчества. Постмодернизм как таковой выступает за интертекстуальность, цитатность мышления и его панъязыковой характер. Мышление не принадлежит индивиду, мыслящему субъекту, оно коллективно (интертекстуально). Надо заметить, что представители постмодернизма текстом обозначают все бытие, в частности литературу, историю, сознание, мышление, самого индивида и т. д. И, по их мнению, автономный субъект растворился в великом интертексте.

Н. В. Богданович [4], исследуя категорию субъекта, представленную в трудах отечественных психологов, выделяет несколько оппозиций, которые выражают противоречия в понимании данной категории. Мы остановимся лишь на трех: осознанность – неосознанность, свобода – детерминированность (у Н. В. Богданович она представлена как «свобода – ответственность», но, учитывая содержание нашей работы, в связке с термином «свобода» вместо понятия ответственности здесь логичней будет поставить понятие детерминированности) и целостность – множественность.

Осознанность – неосознанность – оппозиция, формулирующая проблему возможности / невозможности человека быть субъектом, не осознавая это. Как мы уже видели, А. В. Брушлинский допускает такую возможность, а Л. И. Божович убеждена в том, «что человек неосознанно становится субъектом и лишь позже осознает себя в этом качестве» [4. С. 90]. Ж. Делез и другие, говоря о всеисилии бессознательного, получа-

ется, отстаивают более радикальную позицию, чем Л. И. Божович, которая все-таки не предпринимает попыток нивелировать субъекта.

Свобода – детерминированность – это оппозиция, формулирующая проблему возможности / невозможности управления человеком своей жизнью. Психологи-экзистенциалисты (Роджерс, Маслоу) наделяли человека способностью управлять обстоятельствами своей жизни. Альтернативная позиция – учения фрейдизма и бихевиоризма (Фрейд, Скиннер), утверждающие жесткую биологическую или социальную детерминированность психики и поведения человека. И, конечно, рассмотренные нами философы полностью отрицают какую-либо свободу субъекта, вместо которой утверждают его детерминацию бессознательным и языковыми структурами (Делез, Кристева, Лакан, Фуко).

Целостность – множественность – это оппозиция, на одном полюсе которой находятся психологические теории, говорящие о целостности субъекта (Брушлинский), а на другой – концепции о его множественности, разделяющие субъект в зависимости от сферы его активности: субъект деятельности, познания, общения и т. п. Ну и, конечно, взгляды постмодернистов настроены просто революционно. Если психологи, постулирующие множественность субъекта, все-таки допускают его присутствие, то сторонники философского постмодернизма «расщепляют» его на непостоянные идентичности (Кристева) и на множественные эго (Фуко).

И теперь, когда мы добавили к первоначальным оппозициям [4] еще один полюс, на котором обозначены современные философские концепции субъектности, эти оппозиции приняли характер уже не бинаризма (т. е. собственно оппозиций), а тринитарности.

Итак, мы наблюдаем резкие отличия между интересующими нас точками зрения, между разными взглядами – философским и психологическим – устремленными на одну категорию, которую они видят совершенно по-разному. Эта категория – субъект с присутствующими ей особенностями: творчество, мышление, сознание и т. д. И эти особенности, принадлежащие субъектам двух различных дискурсов (философского и психологического), вступают в борьбу (творчество и детерминация, сознание и неосознанность и т. п.). Таким же образом не могут

найти компромисса исследователи, одни из которых утверждают целостность субъекта (Брушлинский), а другие – его расщепленность (Фуко, Кристева, Лакан).

Список литературы

1. Автономова Н. С. О книге М. Фуко «Слова и вещи»: Вступ. ст. // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Acad, 1994.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001.
3. Анцыферова Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000.
4. Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
5. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: «Алгоритм-Книга», 2007.
6. Брегадзе А. А. Проблема сущности личности. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник философских статей / Под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001. Вып. 1.
7. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
8. Вачков И. В. Полисубъектный подход к педагогическому взаимодействию // Вопр. психологии. 2007. № 3. С. 16–29.
9. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000.
10. Ильин И. П. Постмодернизм. Деконструктивизм. Постструктурализм. М.: Интрада, 1996.
11. Ильин И. П. Постмодернизм – от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
13. Славская А. М. Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлин-

ский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000.

14. *Тхостов А. Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 14, психология. 1994. № 2. С. 3–13.

15. *Усовская Э. А.* Постмодернизм. Минск, 2006.

16. *Ушаков Д. В.* Психология одаренности и проблема субъекта // Проблема субъекта в

психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000.

17. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Асад, 1994.

18. *Фуко М.* Что такое автор // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

Материал поступил в редколлегию 17.11.2007